

Г. М. Бонгард-Левин

ИНДИЙСКИЙ БРАХМАН ЧАНАКЪЯ В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Для каждого, кто знаком с античной литературой, название статьи может показаться более чем странным, лишенным достоверных оснований. Действительно, имя Чанакья в античных текстах ни разу не упоминается, хотя о его «патроне» — маурийском царе Чандрагупте — говорится у многих античных авторов, начиная уже с Мегасфена¹. В качестве селевкидского посла Мегасфен в течение нескольких лет находился в столице маурийской империи Паталипутре при дворе царя Чандрагупты, и его свидетельства являются наиболее достоверными во всей античной традиции об Индии маурийской эпохи. К сожалению, труд Мегасфена «Индика» дошел до нас лишь в виде небольших фрагментов, сохранившихся в сочинениях более поздних авторов, и полностью восстановить первоначальный текст его сочинения не представляется возможным (предпринимаемые попытки такой реконструкции пока не увенчались успехом)².

Фрагментарность дошедшего до нас текста Мегасфена об Индии периода правления первого из Маурьев ни в коей мере не может служить основанием для предположения о том, что селевкидский посол знал о Чанакье и упомянул его в своих «индийских записках» в связи с Чандрагуптой. Дело в том, что местных индийских источников, датированных временем правления Чандрагупты, пока не обнаружено³ и, хотя поздняя традиция связывает его жизнь и царствование с Чанакьей (или Каутилейей)⁴, мы не можем с определенностью говорить даже об исторической реальности этого популярного персонажа индийских сказаний и легенд. Никаких ранних достоверных свидетельств о существовании Чанакьи пока не имеется (это открывает широкие возможности для различного рода предположений об его «историчности»), что объяснимо двумя в равной степени приемлемыми причинами: либо Чанакья являлся лицом легендарным и не был связан с деятельностью Чандрагупты и лишь поздняя традиция «ввела» его в круг сказаний о маурийском царе для придания боль-

¹ См. *Schwanbeck E. A. Megasthenes Indica. Bonnae, 1846.* (переизд. в Амстердаме в 1966 г.); *McCrindle J. W. Ancient India as Described by Megasthenes and Arrian. Calcutta, 1926.*

² См. *Majumdar R. C. Classical Accounts of India. Calcutta, 1961;* о дискуссии по отношению к Мегасфену более поздних свидетельств см. *Brown T. S. The Reliability of Megasthenes.* — *AJPh, 1955, v. 76, p. 18—33;* *Majumdar R. C. The Indica of Megasthenes.* — *JAOS, 1958, v. 78, № 4, p. 273—276;* *Sethna K. D. Rejoinder to R. C. Majumdar.* — *JAOS, 1960, v. 80, № 3, p. 243—248;* *Brown T. S. A Megasthenes Fragment on Alexander and Mandanis.* — *JAOS, 1960, v. 80, № 2, p. 133—135.*

³ Подробнее см. *Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.*

⁴ Т. Барроу полагает, что Чанакья и Каутилья — разные лица (*Burrow T. Chanakya and Kautilya.* — *ABORI, 1968, v. XLVIII — XLIX, p. 17—31.*)

шей занимательности сюжету, либо приход к власти Чандрагупты в действительности был осуществлен с помощью сановника, носившего имя Чанакья (Каутилья или какое-либо иное имя), но упоминание о котором сохранилось лишь в более поздних источниках. В любом случае совершенно очевиден факт популярности фигуры Чанакьи в индийской традиции самых разных направлений (джайнская, буддийская и индуистская).

Наиболее подробные «античные сведения» о деятельности Чандрагупты содержатся у римского историка Юстина⁵, который при написании своего труда опирался на «Всемирную историю» Помпея Трога — римского писателя эпохи Августа. Ученые уже давно обращаются к этим небольшим по размеру извлечениям из утраченного текста Помпея Трога, поскольку они содержат интереснейшие свидетельства по истории Парфии и Бактрии⁶. В. В. Тарн высказал предположение, что Юстин использовал также сочинение неизвестного автора, посвященное этим регионам⁷. Меньше внимания уделялось сообщениям Юстина (и соответственно Трога) об Индии, хотя они при сопоставлении с данными древнеиндийских источников позволяют восстановить некоторые важнейшие события раннемаурийской истории.

Среди немногочисленных работ по этой теме особо следует выделить исключительно содержательную статью Марио Буссалли «Индийские события у Помпея Трога»⁸. Автор подробно разбирает эти античные свидетельства о приходе Чандрагупты к власти, соотносит их с материалами индийских источников, в том числе с буддийскими и джайнскими текстами. Он справедливо полагает, что в сообщениях Юстина (Трога) отразились индийские легенды о Чандрагупте, но предлагаемые им индийские параллели к конкретным указаниям античного текста слишком общи и не всегда убедительны (так, сообщение о диком слоне увязывается с легендой о Будде и слоне Налагири и т. д.)

Свод легенд о Чандрагупте сложился значительно позднее времени правления основателя маурийской династии и, судя по буддийским, джайнским и брахманско-индуистским сочинениям, имели широкое хождение в Индии и за ее пределами⁹. К сожалению, до нас дошли довольно поздние варианты этих легенд, вошедшие в хроники Цейлона¹⁰, драму Вишакхадатты «Мудрараکشаса»¹¹ и в ее последующие переработки¹², в пуранические собрания, в сочинение джайнского автора XII в. Хемачандры¹³ и др. Можно, однако, предполагать, что первоначальный «цикл о Чандрагупте» бытовал довольно рано, а отдельные рассказы, судя по тексту

⁵ M. Iuniani Iustini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Stuttgart, 1972.

⁶ Из последних работ по этой теме см. Eggermont P. H. L. The Historia Philippica of Pompeius Trogus and the Foundation of the Scythian Empire.— In: Papers on the Date of Kaniska. Leiden, 1960, p. 97—102; Mukherjee B. N. An Agrippan Source. A Study in Indo-Parthian History. Calcutta, 1969.

⁷ Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambr., 1938.

⁸ Bussagli M. Indian Events in Trogus Pompeius.— EW, 1956, v. VII, № 3, p. 229—242.

⁹ Подробно см. Schwarz F. F. Candragupta-Sandrakottos, Eine historische Legende in Ost und West.— Altertum, 1972, v. 18, S. 85—102; Trautmann T. Kauṭilya and Arthaśāstra (A Statistical Investigation of the Authorship and Evolution of the Text). Leiden 1971, chap. II.

¹⁰ Vamsatthappakāsīnī, ed. by G. P. Malalasekera. V. I. L., 1935; Extented Mahāvamsa, ed. by G. P. Malalasekera (Aluvihāra series, v. III). Colombo, 1937 (пользуясь случаем, выражаю признательность В. В. Вертоградовой за консультации по трактовке текста «Тики»).

¹¹ Ruben W. Der Sinn des Dramas «Der Spiegel und Rākshasa (Mudrārākṣasa). B., 1956.

¹² См., например, The Mudrārākṣasanāṭakakathā of Mahādeva, ed. by V. Raghavan. Thanjavur, 1971.

¹³ Sthavirāvalīcarita or Pariśiṣṭaparvan being an Appendix of the Triśaṣṭi-śalākāpuruṣacarita by Hemacandra, ed. by H. Jacobi. Calcutta, 1932 (Bibliotheca Indica).

Юстина, имели хождение еще в античное время. Свидетельство тому — рассказ Юстина о первом маурийском царе.

Тесные связи греко-римского мира с Индией приводили к сближению двух культур, обмену культурными достижениями, взаимному знакомству с духовными ценностями. И в период Помпея Трога, и в эпоху, когда жил Юстин, в Рим поступали сведения об Индии, но большая часть «индийских рассказов» восходила еще к эпохе Мегасфена¹⁴. Трудно с уверенностью утверждать, к какому именно «пласту» свидетельств обращался Трог¹⁵. Важнее подчеркнуть другое — данные о Чандрагупте, которые сохранились в этом античном тексте, в ряде случаев удивительно точно соответствуют (или даже повторяют) индийские свидетельства из «цикла о Чандрагупте и Чанакье». М. Бассальи пытается найти соответствия в разных индийских текстах, выходящих за рамки единого «цикла». Такой подход несомненно дает интересные результаты, но упускает главное — возможность соотнести данные конкретного античного текста с конкретным собранием «легенд о маурийском царе» и тем самым более точно выявить местный источник античной информации о Чандрагупте¹⁶.

В сообщениях Юстина поражает не столько точность свидетельств в целом, сколько следование общей сюжетной линии «индийского цикла», повторяемость эпизодов и даже совпадение частных, но весьма существенных деталей. Как и во фрагментах Мегасфена, в тексте Юстина не упоминается Чанакья, а все эпизоды связаны лишь с Чандрагуптой. Такое положение хорошо объяснимо, особенно если учесть идейную позицию Трога: он был резко отрицательно настроен против Александра Великого, обличал его военные захваты. С другой стороны, Чандрагупта нарисован им как борец против македонцев за свободу своей родины. Естественно, что Трога интересовала только фигура Чандрагупты — индийского соперника сатрапов Александра и Селевка¹⁷. Однако передавая индийскую легенду о Чандрагупте, Трог (а вслед за ним и Юстин), хотя и не упомянул о Чанакье, но пересказал эпизоды, которые индийская традиция связывает именно с этим «ученейшим из брахманов». Не позволяет ли это говорить о незримом присутствии реального или легендарного Чанакьи в античном повествовании?

Существование независимых друг от друга, но весьма сходных буддийских и джайнских легенд о Чандрагупте и Чанакье несомненно указывает на бытование более древней первоначальной версии единого цикла о маурийском царе и его сановнике (так называемой *Saraka-ya-Chandragupta-kat-hā*).

Обратимся к тексту Юстина (XV, 4, 13—20): «¹³Руководителем борьбы за свободу был здесь Сандрокотт, но после победы он, злоупотребив именем свободы, превратил ее в рабство: ¹⁴захватив в свои руки власть, он стал сам угнетать народ, освобожденный им от иноземного владычества. ¹⁵Сандрокотт был простого происхождения, но был подвигнут к захвату царской власти великим божественным знаменем. ¹⁶Ведь когда он оскорбил

¹⁴ См. *Dihl A. The Conception of India in Hellenistic and Roman Literature. — Proceedings of the Cambridge Philological Society, 1964, v. X, p. 15—23; Бонгард-Левин Г. М. Древняя Индия и античность (Общая характеристика традиций). — В сб.: Древний Восток и мировая культура. М., 1981, с. 107—111.*

¹⁵ Судя по тексту Юстина, его источник об Индии отличается от труда Мегасфена и во многом непосредственно восходит к местной традиции.

¹⁶ Мы не ставим себе задачей подробное исследование вопроса об источниках, которыми пользовался Трог, о его авторской манере, но «индийские эпизоды», вставленные в его «Историю», очевидно, подверглись им специальной обработке для западного читателя (подробно см. *Schwarz F. F. Herrschaftslöwe und Kriegselefant. Literaturvergleichende Beobachtungen zu Pompeius Trogus. — In: Hommages Vermaseren. Leiden, 1978, S. 1116—1142*); см. также *Зельин К. К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога. — ВДИ, 1948, № 4; он же. Помпей Трог и его произведение. — ВДИ, 1954, № 2.*

¹⁷ *Filliozat J. La date de l'avènement de Chandragupta roi de Magadha (313 avant J.-C.). — Journal des Savants, 1978, p. 183.*

своей дерзостью царя Нандра, царь приказал его убить, но (Сандрокотт) искал „спасение быстротой ног“. ¹⁷Когда же он, утомленный бегством, лежал, погрузившись в сон, к спящему подошел громадный лев, слизал с (Сандрокотта) пот, который лил с него, а когда он проснулся, то лев спокойно удалился. ¹⁸Подвигнутый этим знамением, (Сандрокотт) впервые стал помышлять о царской власти и, набрав отовсюду наемников ¹⁸, побудил индийцев к смене власти ¹⁹. ¹⁹Когда затем он начал войну с наместниками Александра, к нему навстречу вышел огромный дикий слон и, словно ручной, посадил его к себе на спину. На войне этот слон оказался и вождем и замечательным бойцом. ²⁰Так Сандрокотт, захватив царскую власть, в то время когда Селевк закладывал основы своего будущего величия, завладел Индией.

Первая часть повествования (§ 13 и 14) не имеет прямого отношения к циклу сказаний о Чандрагупте, а дает лишь общую оценку его деятельности. В последующем тексте для сопоставления с индийской традицией логично выделить основные «эпизоды» сюжетной линии: 1) рассказ о простом происхождении Чандрагупты, 2) божественное знамение, подвигнувшее его к власти, 3) столкновение с царем Нандром, приказ царя убить Чандрагупту и бегство Чандрагупты, 4) сон будущего царя и встреча со львом; 5) планы захвата власти после знамения, 6) организация армии, 7) война с наместниками Александра, 8) встреча со слоном, 9) захват царской власти.

Нет необходимости останавливаться на подробном разборе всех сообщений текста Юстина: вопросы маурийской хронологии, этапов борьбы Чандрагупты за власть, происхождения Маурьев подробно разбирались в индологической литературе ²⁰.

Нас особо привлекает рассказ, переданный Юстином, о столкновении Чандрагупты с царем Нандром. Но прежде — несколько слов о длительном споре, который возник в связи с упоминанием в тексте Юстина царя Нандра (Nandr).

В первом издании текста Юстина (1581 г.) переводчики приняли чтение *Alexandrum*, хотя большинство рукописей содержало *Nandrum* или испорченные варианты этого имени. А. Гутшмидт был первым, кто указал на необходимость чтения *Nandrum*, ссылаясь на многочисленные руко-

¹⁸ Перевод «наемники» хорошо соотносится со свидетельствами «Махавамса-Тики» и «Паришишатапарвана» о том, что Чандрагупта и Чанакья стали собирать армию, используя деньги, которые припрятал Чанакья. В «latrones» Юстина можно, очевидно, видеть «автономных» индийцев, которые выступали против чужеземных войск и тяготились властью сатрапов Александра. Чандрагупта собирал армию в Пенджабе, где особенно были сильны эти антимакедонские настроения и где, согласно индийским источникам, имелись немонархические образования. В брахманских текстах эти «автономные» индийцы (т. е. «не имеющие царской власти») из-за своей самостоятельности и отхода от монархической организации нередко рассматривались как разбойники. Нельзя ли в этой связи предположить, что Трог, а вслед за ним и Юстин передали местную брахманскую позицию в оценке немонархических образований Пенджаба? Такая трактовка выглядит очень соблазнительной (см. *Бонгард-Левин*. Индия эпохи Маурьев, с. 57—58), однако в этом случае следует допустить, что в версии цикла о Чанакье и Чандрагупте, которой пользовался Трог, была отражена также и брахманская традиция. Анализ «первоначального цикла» этих легенд (см. ниже) не свидетельствует в пользу такого допущения. Буддийская и джайнская позиции в оценке немонархических образований (сангхи и ганги индийских источников) была иной (см. *Бонгард-Левин Г. М.*, Республики в древней Индии (Проблематика и основные материалы). — ВДИ, 1966, № 3, с. 8—35).

¹⁹ *Indos ad novitatem regni sollicitavit*. Толкование этого текста вызвало большие разногласия среди ученых. Подробно этот вопрос разбирается в книге: *Бонгард-Левин*. Индия эпохи Маурьев, с. 55—58. Здесь же приведена и основная литература.

²⁰ Из наиболее важных публикаций по этим вопросам следует отметить *Bhattasali N. K.* *Maurya Chronology and Connected Problems*. — *JRAS*, 1932, p. 276—284; *Eggermont P. H. L.* *The Chronology of the Reign of Aśoka Moriya*. Leiden, 1956; *Bussagli*. *Indian Events...; Age of the Nandas and Mauryas*. Banaras, 1952; *Filliozat*. *Op. cit.*

писные списки²¹. Общее содержание текста Юстина и имеющиеся свидетельства индийских источников (в том числе и цикл о Чандрагупте) указывают на очевидную справедливость такого толкования. Предлагаемое некоторыми исследователями исправление *Nandrum* на *Alexandrum* (наиболее упорно отстаивал это Х. Райчаудхури) неправомерно²². В рецензии на мою книгу «Индия эпохи Маурьев», где принимается чтение *Nandrum*, Ж. Фусман придерживается чтения *Alexandrum*, однако для такого вывода он не приводит никаких новых аргументов, и его возврат к этой точке зрения не представляется сколько-нибудь убедительным²³.

Текст Юстина является единственным в античной традиции подробным изложением истории Чандрагупты или, вернее, сказаний о Чандрагупте, основу которых безусловно составили индийские источники. В индийской традиции цикл легенд о Чандрагупте и Чанакье воспроизводится в сочинениях гуптской и особенно последующей эпох; в более ранних текстах упоминания о маурийском царе и его мудром наставнике эпизодичны, не связаны непосредственно с этим циклом и отражают лишь общие «династийные свидетельства». В палийских хрониках Цейлона подробные сведения о Чандрагупте и Чанакье появляются только в поздней традиции, связанной с «Махавамсой» (в самой хронике лишь две гагхи, V. 16—17, посвящены описанию воцарения первого из Маурьев с помощью Чанакьи; в «Дипавамсе» не только этот сюжет, но и вообще упоминания о Чандрагупте отсутствуют).

Наиболее подробные свидетельства сохранились в камбоджийской «Махавамсе» и комментарии на «Махавамсу» «Махавамса-тике» (или «Вамсаттахашпакасини») — сочинениях, восходящих к традиции «Махавамсы», но не повторяющих ее и содержащих свидетельства ряда других древних памятников. По мнению крупнейшего знатока палийской литературы Цейлона В. Гайгера, Тика была составлена в промежутке между 1000 и 1250 гг. н. э.²⁴ К более раннему времени — VI—VII вв. н. э.²⁵ или VIII—IX вв.²⁶ — дошедший до нас текст относит его первый издатель Г. П. Малаласекера. Ученый справедливо отмечает, что, подобно «Махавамсе», «Тика» основывалась на древнесингальских текстах, представлявших собой местные комментарии на палийскую «Трипитаку». Местная традиция связывает появление первых сингальских комментариев с Махиндой — основателем цейлонского буддизма. Они составлялись преимущественно в столичном монастыре Махавихара, с которым и соотносится «Махавамса». Однако «Тика» не ограничивалась только традицией этого монастыря, но опиралась и на другие древние тексты, в частности на «Уттаравихараттахакатху» (*Uttaravihāratthakathā*) и «Уттаравихара — Махавамсу» (*Uttaravihāra—mahāvamsa*) — сочинения, восходящие к иной и даже соперничавшей традиции — монастыря Абхьягиривихара. (Г. П. Малаласекера называет эти тексты «хрониками», хотя первое из сочинений, судя по названию, имело и комментаторское значение. Условно мы будем следовать этому обозначению.) Разрабатываемое здесь учение все больше отходило от ортодоксальной тхеравады и сближалось с «махаянской ветвью». Приверженцы «абхьягирского центра» старались заручиться поддержкой североиндийских монастырей, школ и сект, следовавших махаяне, и поэтому стремились поддерживать с Северной Индией тесные связи. Абхьягиривихара тяготела к буддийской традиции Индии, и именно в хро-

²¹ *Gutschmid A. von. König Nanda von Magadha in XV. Buche der Historien des Pompejus Trogus.* — Kleine Schriften, B. III, Lpz, 1892, S. 568—576.

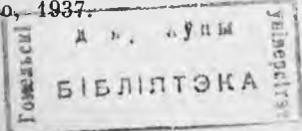
²² *Rauchandhuri. Political History...*, Age of the Nandas and Mauryas, cit. ed.

²³ См. *Journal Asiatique*, 1974, Comptes Rendus, p. 481—486; см. также *Filliozat*. Op. cit.

²⁴ *The Mahāvamsa or the Great Chronicle of Ceylon*, tr. in English by W. Geiger. Colombo, 1960, p. XI.

²⁵ *Malalasekera G. P. The Pali Literature of Ceylon*. Colombo, 1958, p. 144.

²⁶ См. предисловие Г. П. Малаласекеры к изданию «*Extended Mahāvamsa*». Colombo, 1937.

нике этого монастыря содержались подробные данные о царях и событиях индийской истории. Эти свидетельства, в отличие от традиции Махавихары («Махавамса»), восходили непосредственно к индийским, хотя первоначально обе местные традиции были неразрывно связаны друг с другом.

После основания в конце I в. до н. э. монастыря Абхаягири в течение нескольких столетий Индия была той «питательной средой», которая наполняла индийскими сюжетами хроники, составлявшиеся образованными монахами в этом буддийском центре. По сравнению с источниками «Махавамсы» «Тика» содержит подробный материал о Нандах, Чандрагупте и Чанакье, специально отмечая, что «в Uttaravihāratthakathā повествования о Чанакье, пастухе, приютившем Чандрагупту, и о другом (разрядка наша. — Г. Б.-Л.) отличаются» от содержания ортодоксальной традиции (ettha pi Cānakassa adhikāro ca Candaguttassa dhanagoreṇa gahitā ti ādi adhikāro ca vireso)²⁷. Это свидетельство «Тики» чрезвычайно важно: оно ясно указывает источник своей информации о Чандрагупте и Чанакье — хронику монастыря Абхаягири, которая, как уже отмечалось, в своих индийских мотивах преимущественно основывалась не на местной, а на индийской традиции. Таким образом, есть основания рассматривать сохранившиеся в «Тике» сказания о Чандрагупте и Чанакье в качестве одного из древнейших индийских источников из цикла о первом маурейском царе и его ближайшем сановнике. Сочинение Хемачандры было написано в XII в., и независимо от того, какая из датировок «Тики» наиболее точная, этот комментарий на «Махавамсу» древнее джайнского «Паришиштапарвана» по крайней мере на три-четыре столетия. Такое заключение ни в коей мере не означает, что именно версия, зафиксированная «Тикой», — наиболее достоверная передача (или пересказ) оригинального ядра сказаний. Хемачанда, хотя и жил позднее авторов «Тики», опирался на очень ранние джайнские сочинения, содержавшие сказания о Чандрагупте и Чанакье.

Подробно проанализировав содержание палийских сказаний о Чандрагупте и Чанакье по цейлонским хроникам, Т. Траутман пришел к выводу, что даже в «Уттаравихараттхакатхе» сохранились различные истории об этих известных персонажах и что в единое повествование были собраны разные рассказы (у Траутмана — anecdotes), расположенные в хронологической последовательности, но часто без четкого согласования эпизодов друг с другом²⁸. Этот вывод, основанный на текстологическом анализе, дает возможность полагать, что составителям ранней хроники монастыря Абхаягири могли быть известны различные версии цикла о Чандрагупте и Чанакье. Исходя из этого, логично считать, что в период создания «Уттаравихараттхакатхи» в Индии существовало несколько вариантов (версий) цикла сказаний о Чандрагупте и Чанакье, которые стали известны на Цейлоне авторам монастырской хроники. Эти версии, как известно, не ограничиваются буддийской традицией (об этом свидетельствуют, в частности, джайнские тексты, где дается проджайнская трактовка основных эпизодов, и «Мудраракшаса», не связанная с буддийской доктриной). Более того, цикл о Чандрагупте и Чанакье вряд ли возник в буддийской среде: ни в одном из буддийских текстов первый из Маурьев не рассматривается как последователь учения Будды (это соответствует и имеющимся свидетельствам о религиозной принадлежности Чандрагупты) и даже не прослеживается тенденция связать Маурьев до Ашоки с буддизмом. Отсутствие пробуддийской окраски древнейших сказаний о Чандрагупте и Чанакье и явной тенденциозности авторов монастырской хроники «Уттаравихараттхакатха», стремящихся ввести в канву своего повествования эпизоды об индийских царях без придания им собственно

²⁷ Mahāvamsa-ṭikā, 187, 9—11.

²⁸ См. Trautmann. Kauṭilya..., p. 20.

«буддийских атрибутов», но лишь для построения общей историко-хронологической схемы и усиления занимательности сюжета, позволяет рассматривать сохранившиеся в «Тике» сказания о Чандрагупте и Чанакье как аутентичные или весьма близкие первоначальному ядру (насколько это возможно при трансмиссии материала из источника иной этнокультурной и территориально весьма удаленной литературной традиции). В этой связи заслуживает внимания один любопытный факт, связанный с историей монастыря Абхаягири: последний, согласно «Махавамсе», был основан царем Ваттагамани Абхайей на месте, где раньше находилась обитель (*tittarāma*) джайнов (*niganṭhas*)²⁹. Этот факт, конечно, еще не может служить основанием для утверждения, что авторы буддийской хроники были знакомы и с джайнской традицией, но полностью отрицать такую возможность вряд ли обоснованно. К сожалению, мы не располагаем никакими данными о времени составления «Уттаравихараттхакатхи», однако известно, что монастырь Абхаягири был основан в I в. до н. э. Судя по характеру монастырских хроник, которые строго фиксировали происходившие события, записывали рассказы приходивших паломников, и учитывая более древнюю летописную традицию монастыря Махавихара в целом, можно предполагать, что «Уттаравихараттхакатха» принадлежит к раннему этапу летописной традиции острова. На сингапурских монастырских хрониках основывалась не только «Тика», к ним, как известно, обращался и Буддхагхоша, готовя свои комментарии к Винае («Самантапасадики»). Датировка хроники монастыря Абхаягири интересует нас в связи с возможностью установления времени знакомства на Цейлоне с индийским циклом о Чандрагупте и Чанакье. Совпадение данных Юстина с индийскими сказаниями указывает на сложение этого цикла (или его отдельных сюжетных блоков) по крайней мере уже на рубеже нашей эры или даже раньше. Исходя из даты основания монастыря Абхаягири (I в. до н. э.), который поддерживал тесные контакты с севером Индии, можно высказать предположение, что составители «Уттаравихараттхакатхи» обратились к этим индийским сказаниям очень рано, сохранив тем самым те интереснейшие материалы, которые в самой Индии известны пока в значительно более поздних текстах. (Хемачандра в своих рассказах о Чандрагупте и Чанакье опирался на «Брихаткатху» — сочинение, которое, к сожалению, до нас не дошло; с определенностью датировать труд Гунадхьи затруднительно, но условно его можно относить к первым векам н. э.)

Повествование о Чандрагупте в «Махавамса-Тике» (комментаторские объяснения и вставные эпизоды) содержит сюжетные блоки, которые во многом соответствуют рассказу Юстина, хотя они приводятся и в иной последовательности.

1. Рассказ о происхождении Маурьев из кшатрийского, но не из царского рода, как это считал комментатор «Вишну-пураны» Ратнагарбха; по его мнению, Чандрагупта был сыном царя Нанды от одной из его жен по имени Мура³⁰. Исключительный интерес представляет сообщение джайнской традиции о происхождении Чандрагупты, идентичное свидетельству Юстина (об этом подробнее ниже). После этого «Тика» переходит к изложению самого цикла о Чандрагупте и Чанакье (последний выступает главным персонажем многих эпизодов).

2. Изложение биографии Чанакьи; знамение его будущей власти, его приход в Паталипутру на диспут, столкновение с царем Нандой, приказ царя схватить Чанакью, бегство Чанакьи. Чанакья родился в Таксиле в семье брахмана, и после смерти отца на него легла забота о матери. Среди людей распространился слух, что из-за «особых примет» — клыка во рту — ему суждено стать царем. Мать, как повествует традиция, была огорчена

²⁹ См. *Mahāvamsa*, 33, 42, 83.

³⁰ См. *Chatterji C. D. Early Life of Candragupta Maurya.* — In: *B. C. Law Volume.* Calcutta, 1945.

судьбой сына, боясь, что она останется одинокой. Видя страдания матери, Чанакья выбил себе «волчий зуб».

3. История Чандрагупты. Здесь в отличие от предыдущего сообщения о происхождении Маурьев говорится, что мать Чандрагупты была главной царицей (*aggamahesī*) маурийского царя (*Moriyagañño*) и что будущий маурийский правитель выжил только благодаря магической силе богов (*devatanubhavana*)³¹. «Тика» повествует о воспитании Чандрагупты пастухом и охотником. Затем излагается эпизод встречи Чанакьи с юным Чандрагуптой, который заметил в мальчике особые приметы (знамения), указывающие на его способность стать царем.

4. Сны Чандрагупты и Паббаты — сына царя Нанды, которые Чанакья истолковал как указание на захват Чандрагуптой власти над Индией (Джамбудвипой)³².

5. Желание Чандрагупты захватить власть (*rajjam icchanto*) и организация огромной армии (*mahābalakāyaṃ saṅgha-hetvā*) Чанакьей и молодым Чандрагуптой³³. Первая неудача военной кампании, связанная с тем, что не был обеспечен прочный тыл.

6. Изменение тактики — постепенное подчинение пограничных районов.

7. Наступление на столицу и захват власти.

Сопоставление версий Юстина и «Тики» свидетельствует о значительной близости общей сюжетной линии, но у Юстина единственным персонажем выступает Чандрагупта, совершая и те поступки, которые индийская традиция приписывает Чанакье. Показательно, что в обеих версиях совпадают многие детали, в том числе даже сообщения о сне Чандрагупты. Особенно интересен, как уже отмечалось, эпизод о столкновении Чандрагупты (Юстин) или Чанакьи («Тика») с царем Нандром (Нандой).

В «Тике» он излагается следующим образом³⁴.

Однажды брахман (Чанакья), желая принять участие в диспуте и узнав из дошедших до него сообщений о многочисленных достоинствах царя, не запятнанного завистью, направился в Пуппхатуру в то время, когда царь Дханананда, чтобы развеять ложные слухи о спрятанных сокровищах, приказал соорудить зал для раздачи даров во внутреннем помещении дворца и приготовить дары для раздачи старшим и новообращенным брахманам. Чанакья вошел в зал для подаваний, примкнул к группе старших брахманов и сел там, где раздавали дары. Затем появился царь Дханананда, нарядно одетый, с многотысячной армией, состоящей из четырех видов войск — слонов, колесниц, конницы и пеших воинов, во всем блеске, окруженный сотнями людей из царской свиты, и с многочисленными танцовщицами, подобными божественным апсарам, достигший богатства и могущества, держащий царскую эмблему, украшенную гирляндами из золота, с огромной свитой, и, войдя в зал для подаваний, увидел брахмана Чанакью, сидевшего среди старших брахманов. Когда он заметил его, царю сказали: «Этот недостойн сидеть среди старших брахманов». Это вызвало недовольство царя, и он произнес слова, полные раздражения: «Кто ты такой, что сидишь на месте старшего брахмана?». «Я, -- ответил ему Чанакья. «Этого презренного на вид брахмана выгнать отсюда и не позволяйте ему сюда входить», — сказал царь. Но раздающий дары стал убеждать царя, многократно повторяя: «О божественный, не делай этого и прости брахмана». Но царские слуги подошли к Чанакье и сказали: «Учитель, мы пришли, чтобы по приказу царя тебя выгнать отсюда, уходи же, учитель, нам нечего с тобой обсуждать!».

Чанакья поднялся с места и в гневе сказал: «Трудно иметь дело с царями». Он разорвал священный шнур, разбил сосуд для подаваний о камень

³¹ *Mahāvamsa-tikā*, 183, 21—26.

³² *Ibid.*, 184, 30—185, 5.

³³ *Ibid.*, 185, 24.

³⁴ *Ibid.*, 181, 30—183, 20.

Индры, лежащий у входа, и со словами проклятия: «Да не будет благополучия Нанде (в тексте Nandino) во всех четырех пределах царской власти!» — покинул (зал для подаяний).

После того как Чанакья ушел, царские слуги доложили обо всем царю. Дханананда пришел в ярость и приказал, выразив свое неудовольствие: «Схватите раба, схватите!» Но брахман, убегая, бросил свою одежду, выглядел, как адживака; он скрылся во внутренних помещениях дворца и, прячась, лег в кучу пыли. Царские слуги старались найти Чанакью, но не заметили его и, вернувшись в зал, доложили об этом царю. А брахман ночью подошел к группе людей, которые следили за помещениями во внутренних покоях царя, и подружился с теми, кто прислуживал царевичу Паббате — сыну царя, привлек их на свою сторону. Затем он встретил царевича, заручился его расположением, подружился с ним, склонил его к захвату власти и стал изыскивать пути выбраться из дворца. Узнав о запасном выходе, ведущем к наружной двери, Чанакья уговорил царевича тайно пробраться к царице, его матери, и украсть браслет с ключом от двери. Так они открыли наружную дверь и никем не замеченные вместе прошли через запасный вход и убежали из дворца. Тайно скрываясь, Паббата и Чанакья достигли лесов Виндхья.

В этом эпизоде столкновения с Нандой действует Чанакья, Чандрагупта же еще не появился «на сцене». Очень близка, а в ряде случаев почти идентична рассказу «Тики» версия цикла, которая сохранилась в «Расширенной Махавамсе» (иногда этот текст называется «камбоджийской Махавамсой»). Открытое Э. Харди в начале XX в.³⁵, это сочинение было издано Г. П. Малаласекерой на Цейлоне в 1937 г., но, к сожалению, до сих пор не привлекло достаточного внимания даже специалистов по сингальской культуре. По сравнению с «Махавамсой» «Расширенная Махавамса», подобно «Тике», содержит много легенд и сказаний. По мнению Г. П. Малаласекеры, составители текста, который он датирует IX—X вв. н. э., опирались на различные источники, в том числе на «Тику», части «Винаяпитаки», «Семантамасадику», «Махабодживамсу»³⁶. Здесь содержатся отсутствующие в «Тике» имена сыновей Калашоки и девяти Нандов — материал, весьма существенный для изучения политической истории предмаурийской Индии.

В отличие от «Тики» автор (или составители) «Расширенной Махавамсы» следовал ортодоксальной линии «Махавамсы», хотя текст создавался в период особенно острого соперничества двух монастырских традиций. Детальный текстологический анализ привел издателя текста к выводу, что автор «Расширенной Махавамсы» использовал многие из сочинений, указанных в «Тике». Однако поэтико-эпический характер текста, его особая функциональная нагрузка отразились на характере сочинения: автор сознательно подходил к отбору материала, его интересовала прежде всего не историческая точность, а увлекательность общего сюжета и отдельных эпизодов. Это хорошо объясняет наличие в тексте подробного изложения занимательных сказаний о Чандрагупте и Чанакье.

Хотя в целом вариант цикла незначительно отличается от «Тики», приведем перевод рассказа (глава V, 71—94) о столкновении Чанакьи с Нандой (этот текст на европейские языки не переводился).

«⁷¹ Железя проявить свои способности в городе, называемом Пушпапура, ⁷² он (Чанакья) однажды покинул Таксилу. Воздвигнув в прекрасном саду огромный зал для раздачи подаяний, ⁷³ царь Дханананда, не скупясь на расходы, приготовил очень дорогие одеяния ⁷⁴ для раздачи во время праздничной церемонии главным брахманам и молодым брахманам, а также приготовил (для раздачи) подаяния, ⁷⁵ огромной стоимости. Брахман

³⁵ Hardy E. Notes on the Enlarged Texts of the Mahāvamsa, Extant in a Kambodjen Manuscript. — JPTS, 1902—1903, p. 61—69.

³⁶ Extended Māhvamsa, p. LII.

(Чанакья), войдя в зал для раздачи, ⁷⁶сел на почетное место, предназначавшееся для главных брахманов. Дханананда в сопровождении армии, состоящей из четырех родов войск, ⁷⁷а также женщин гарема в это же самое время вошел в зал. Увидев, что брахман (Чанакья) занял почетное место, ⁷⁸(царь) выразил неудовольствие, так как ему не понравился уродливый вид (брахмана). „Кто это?“ — спросил он и, услышав в ответ, что (брахман) специально проявил к нему неуважение, ⁷⁹царь в гневе произнес следующие слова: „Выгоните его отсюда, уберите его и не позволяйте ему вступать сюда (в этот зал)“. ⁸⁰Но даже когда главный чиновник, следивший за залом, запретил ему (находиться в зале), (брахман Чанакья) не покинул зал, но тогда чиновник, подойдя к (брахману), сказал: „Убейся (отсюда), учитель!“ . ⁸¹Придя в ярость и разорвав священный шнур и (затем) вдрызг разбив сосуд для подаяния о священный камень, лежащий у входа³⁷, ⁸²брахман воскликнул слова проклятия: „Да не будет у тебя (удачи и) процветания!“ . Услышав его слова, главный чиновник поведал об этом (царю). ⁸³Придя в ярость, царь послал (к брахману) чиновника (с приказом): „Схватите для меня этого раба“. Однако брахман в „одежде голого мудреца“ быстро удалился, ⁸⁴но, не имея возможности сбежать сразу, он, прячась, лег в кучу пыли. ⁸⁵Чиновник, не заметив его, вернулся снова (в зал) и доложил об этом царю. А (брахман) ночью ушел отсюда и укрылся в другом месте. ⁸⁶Сын царя был известен как царевич Паббата, и (брахман), увидев утром слуг царевича, ⁸⁷подружился с ними и сделал их своими последователями, а когда он увидел сына царя, то проявил к нему свое особое расположение. ⁸⁸И (он) уговорил (царевича) захватить царство, обещая ему свое покровительство. Изыскивая способ выбраться оттуда, ⁸⁹он узнал о существовании тайной двери для выхода и то, что эта тайная дверь была тогда закрыта на замок. ⁹⁰Уговорив царевича, он направил его к царице и уброя с помощью хитрости (принести ключ), затем, ⁹¹открыв тайную дверь, они вместе с царевичем оба вышли (из дворца). Скрываясь с царевичем, он вместе с ним добрался до лесов Виндхья. ⁹²Живя в лесу, он искал способ добыть средства и собрал благодаря своему уму огромную сумму денег, исчисляемую в 80 коти. ⁹³Затем он спрятал деньги в одном (тайном) месте. Подозревая о малых до стоинствах царевича, он ⁹⁴стал искать другого человека, подходящего для управления царством и обладающего всеми достоинствами».

Затем Чанакья нашел мальчика по имени Чандагутта, обучил его и поселил вместе с царевичем Паббатой. Однажды, как повествует текст (V. 125—127), оба мальчика увидели сон (sarīna) и рассказали о приснившемся брахману. Истолковав смысл сна, брахман понял, что Чандагутта, хотя и не являлся отпрыском царской семьи, обладает всеми достоинствами для управления страной и что именно он вскоре станет всеправителем Джамбудвиши. Чанакья никому не рассказал о смысле сна. Когда же Чандагутта подрос, Чанакья дал ему некогда спрятанные им в лесу деньги, и будущий царь, собрав большую армию, двинулся во внутреннюю провинцию (anto janapada), но его наемная армия была разбита, и Чандагутта вместе с Чанакьей стали разрабатывать новый план борьбы за власть. В тексте дается метафоричное объяснение ошибочной тактики Чандагутты и Чанакьи, которые решили захватить центр страны, не обеспечив крепкого тыла. Им надлежало вначале подчинить пограничные области, деревни и города (rassantagāmanigama). Уяснив свои ошибки ведения борьбы, Чандагутта и Чанакья набрали новую армию, но прежде чем двинуться к столице государства Нандов, они навели ужас на жителей пограничных деревень и городов и, захватывая постепенно одну область за дру-

³⁷ inda kīlaṅ(indakhīla) — колонна в честь бога Индры или огромный камень, который клали у входа в дом или у городских ворот, т. е. Чанакья этим поступком выразил свое презрение к царскому дворцу и священным обычаям, которым следовал Дханананда.

гой, приближались к Паталипутре. Так, наконец, они вошли в столицу и после битвы с царем Дхананандой одержали полную победу. Пандский правитель был убит на поле боя.

Независимо от буддийской традиции цикл о Чандрагупте и Чанакье сохранился, как уже отмечалось, и в «джайнской среде» и получил подробное изложение в труде известного джайнского автора XII в. Хемачандры — «Стхавираваличарита» (или «Паришиштапарван»). Хемачандра для своего сочинения пользовался многочисленными текстами, в том числе сборниками сказаний и легенд о джайнских святых. По мнению исследователей, джайнская литература, известная как литература «катханака», существовала уже в первых веках н. э., а после собора в Валабхи в V или VI в. н. э. получила особое развитие. Составленные на санскрите многие джайнские сочинения восходили к более древним пракритским текстам. Практическим сочинением пользовался и Хемачандра, но, будучи искусным писателем, он придал материалу особую красочность и увлекательность. Практическая основа «цикла о Чандрагупте и Чанакье» позволяет отнести возникновение его (или по крайней мере отдельных частей общего цикла) к раннему времени, а близость текста Хемачандры к пракритской версии свидетельствует о том, что джайнское сочинение сохранило основной пласт оригинального материала.

По мнению Траутмана, «Паришиштапарван» передает более древнюю и более точную, по сравнению с палийской, версию цикла³⁸. Вопрос о «хронологическом приоритете» джайнской версии вряд ли может быть решен окончательно — выше уже отмечалась несомненная древность сохранившейся в «Тике» традиции, но многое может проясниться, если будет доказана особая близость джайнской версии и текста Юстина.

Сюжетные блоки о Чандрагупте и Чанакье располагаются у Хемачандры в следующей последовательности (VIII, 194—326).

1. Биография Чанакьи, его «чудесное рождение» — знамение его будущей власти, рассказ о его приходе в Паталипутру, столкновение с царем Нандой и его сыном, уход Чанакьи из столицы. (Чанакья родился, уже имея во рту все зубы, и монахи объяснили его отцу, что это счастливое предзнаменование: ребенок будет царем. Будучи брахманом, отец испугался этой «участи» сына и выбил ему зубы. Тогда монахи предрекли Чанакье, что хотя формально он не будет царем, но фактически будет обладать всей полнотой власти.)

2. Встреча с Чандрагуптой и история будущего царя. В тексте говорится, что Чандрагупта родился в сельской местности, в семье человека, который разводил царских павлинов. Это сообщение наиболее близко свидетельству Юстина о «простом (*humilis*) происхождении» Чандрагупты. Хемачандра повествует и о предзнаменованиях, которые свидетельствовали о Чандрагупте как о будущем царе.

3. Организация армии и осада Паталипутры. Неудача в связи с неправильной тактикой.

4. Изменение тактики, союз с царем Парватакой — правителем гималайских областей (*Himavatākūta*)³⁹. Захват отдаленных провинций, новое наступление на столицу. Тайное убийство Парватаки и захват Чандрагуптой власти. В противоположность буддийской традиции и свидетельству пуран джайнская версия говорит о сохранении Чанакьей жизни царю Нанде.

В рассказе о столкновении Чанакьи с царем Нандой Хемачандра несколько по-иному, чем буддийская традиция, описывает события, следуя, однако, общему сюжету. (Чанакья идет в столицу не на диспут, а чтобы добыть деньги; прибыв во дворец царя, он садится на царский трон вместе с Нандой, в зал входит его сын, который и замечает «проступок» брахмана,

³⁸ Trautmann. Op. cit., p. 25.

³⁹ Sthavirāvalīcarita, VIII, p. 297.

и т. д.; столь существенный для рассказа эпизод о бегстве Чанакьи — «спасся благодаря быстроте своих ног» — здесь не представлен; Чанакья после столкновения с царем просто покидает город.)

В целом джайнская версия повторяет основные эпизоды цикла о Чандрагупте и Чанакье, но некоторые существенные детали, встречающиеся и в «Тики» и у Юстина, в ней отсутствуют (о божественном предназначении власти Чандрагупте, сне Чандрагупты), хотя наиболее близко к античному источнику свидетельство о простом происхождении первого из Маурьев.

Вопрос о характере первоначального цикла о Чандрагупте и Чанакье весьма сложен и требует специальных текстологических исследований различных версий, что выходит за рамки поставленной в нашей статье задачи (интересную работу в этом направлении провел Т. Траутман, но его выводы еще нуждаются в дальнейшем обосновании).

Можно, конечно, допустить, что первоначально цикл был более сжатым, чем последующие варианты, дополненные новыми легендами, эпизодами, деталями, и в этом смысле предположение Траутмана о наибольшей достоверности джайнской рецензии заслуживает серьезного внимания. Однако мы не располагаем местными материалами о Чандрагупте, синхронными маурийской эпохе, и сколь-нибудь достоверными данными о Чанакье, чтобы надежно выделить оригинальный пласт в дошедших редакциях цикла. В этой связи исключительное значение, на наш взгляд, представляет рассказ, переданный Трогом. Столь раннее античное свидетельство ясно указывает на существование в это время индийского источника, который лег в основу переданных Трогом рассказов. При отсутствии синхронных индийских текстов о Чандрагупте и Чанакье античный вариант сказаний этого цикла может, на наш взгляд, служить отправным пунктом для определения древнейшего варианта легенд о маурийском царе и его прозорливом сановнике.

Кроме «Тики» и Хемачандры, сказания о Чандрагупте и Чанакье сохранились и в поздней кашмирской литературе — у Кшемендры и Сомадевы. Здесь многие основные эпизоды получили совершенно иную трактовку, действуют и иные персонажи, хотя сохранился эпизод о столкновении Чанакьи с царем (Йога-Нандой).

Известно, что Кшемендра—писатель XI в. — пользовался ранним сочинением «Брихаткатхой», принадлежавшей перу Гунадхьи (к сожалению, текст, написанный на пракрите пайшачи, не сохранился). Можно лишь предполагать, что именно Кшемендра отошел от древнего пласта легенд, поскольку мы не имеем данных о характере цикла у Гунадхьи.

Т. Траутман считает, что первоначальные версии цикла сложились в Магадхе или по крайней мере в Восточной Индии. Позднее одна из версий попала отсюда на Цейлон и была использована составителями «Тики». Траутман, исходя из того, что джайнская версия сохранила в наибольшей «чистоте» первоначальный вариант цикла, выделяет на основе текста Хемачандры эпизоды (elements) исходной, по его словам, Śaṅkya-Candra-gupta-kathā. Палийскую же версию он рассматривает как менее надежную⁴⁰. В этой первоначальной сюжетной схеме Траутман справедливо вычленяет эпизод об изгнании Чанакьи из царского дворца (столкновение с Нандой, клятва Чанакьи об истреблении Нанды и бегство Чанакьи)⁴¹. С помощью текста Юстина можно восстановить и другие сюжетные блоки, которые не зафиксированы в джайнской версии (хотя имеются в буддий-

⁴⁰ Trautmann. Op. cit., p. 46—48.

⁴¹ Насколько этот сюжет был популярен в индийской традиции, говорит его бытование в очень поздних текстах, например в прозаическом сочинении XVII в. «Mudrārākṣasānātakathā», принадлежавшем перу Махадевы (здесь излагается история о столкновении Чанакьи с Нандами, которые оскорбили брахмана, его клятва уничтожить власть Нандов, уход Чанакьи из дворца и т. д.). См. The Mudrārākṣasānātakathā of Mahādeva. Этот сюжет встречается и в самой «Мудраракшасе» и в кашмирских версиях общего цикла — Кшемендра, Сомадева и т. д.

ской)⁴² и поэтому и не вошли в «исходную» катху о Чандрагупте и Чанакье, сконструированную Траутманом.

Совпадения античной (Трог — Юстин) и индийской («Тика», Хемачандра) традиций могут быть представлены в следующей ниже схеме (последовательность эпизодов в индийских легендах не всегда совпадает с сюжетной линией по Юстину; в индийских вариантах цикла о Чандрагупте и Чанакье нет прямых указаний о «встречах» будущего царя со львом и слонем, о которых упоминает античный автор, но и эти явно символические сюжеты находят объяснения в индийской традиции)⁴³.

Юстин	«Тика»	Хемачандра
1. Простое происхождение Чандрагупты	1. Кшатрийское происхождение Маурьев. Чандрагупта — сын маурийского царя, но получил воспитание у пастуха и охотника	1. Простое происхождение Чандрагупты
2. Божественное знамение, подвигнувшее к захвату власти	2. Особые «приметы» Чандрагупты, говорящие о захвате им власти. Особые приметы Чанакьи — знамение его будущей власти	2. Особые приметы Чанакьи — знамение его будущей власти
3. Столкновение с царем Нандром, приказ царя убить Чандрагупту, бегство Чандрагупты	3. Столкновение Чанакьи с царем Нандой, приказ царя схватить Чанакью, бегство Чанакьи	3. Столкновение Чанакьи с царем, уход Чанакьи из столицы
4. Сон Чандрагупты, встреча со львом, имевшая смысл знамения (захвата царской власти)	4. Сон Чандрагупты, истолкованный Чанакьей как знамение к захвату власти	4. —
5. Планы захвата власти после знамения	5. Планы захвата власти	5. Планы захвата власти
6. Организация армии	6. Организация армии, первая неудачная попытка завладеть троном	6. Организация армии, первая неудачная попытка завладеть троном
7. Война с наместниками Александра	7. Захват пограничных областей	7. Захват пограничных областей
8. Встреча со слонем	8. —	8. —
9. Захват царской власти	9. Захват царской власти	9. Захват царской власти

⁴² Прежде всего мы имеем в виду рассказ о сне Чандрагупты, который был своего рода знаменем к захвату власти. Этот сюжет (сон Чандрагупты) встречается в «Шах-Наме» Фирдоуси, который рассказывает об индийском царе Кейде (Чандрагупте), современнике Александра. Об этом же сообщают и некоторые арабские источники. Эти сны царя толкует его ближайший сановник (у Фирдоуси по имени Михран): будет завоевано царство, собрана огромная армия и восторжествует справедливость. Подробно см. *Prakash Buddha. Chandragupta Maurya in the Shah-Name of Firdausi.* — ABO-NI, 1955, v. 36, p. 270—291; 1956, v. 37, p. 120—143; *idem. Studies...*

⁴³ См. *Schwarz F. F. Herrschaftalöwe und Kriegselefant...* В «Мудраракшасе» Чанакья неоднократно сравнивается со львом (напомним, что по Трогу — Юстину именно встреча со львом явилась важнейшим знаменем для Чандрагупты). Любопытный рассказ передает Махадева в «Мадраракшасанатакакатхе»: к Нандам доставили в клетку фигуру льва из воска, но сделанную так искусно, что лев казался живым и даже двигался с помощью механизма. (Никто не догадывался об этой хитрости.) Перед всеми была поставлена задача: не трогая клетки, выпустить льва. Только Чандрагупта догадался, что лев восковой, и спалил его нагретыми железными прутьями. Хитрость Чандрагупты стала важным событием в его карьере. Конечно, эта «встреча» Чандрагупты со львом мало схожа с тем, о чем пишет Трог (и Юстин), но в обоих рассказах действуют те же персонажи и встреча носит символический характер.

Как показывает схема, рассказ Юстина исключительно близок к индийскому циклу, но к какой именно традиции — буддийской или джайнской — обращается Помпей Трог, сказать затруднительно, в некоторых деталях текст Юстина совпадает только с буддийской традицией, а в определении происхождения Чандрагупты — с джайнской.

Скорее всего, Трогу была известна версия, восходящая к первоначальному ядру цикла, а поэтому совмещающая в тот ранний период сведения, которые позднее «разошлись» по различным традициям. В процессе самостоятельного развития разных религиозных традиций и соответствующей им литературы при сохранении общего пласта варианты (версии) легенд все больше наполнялись новыми сюжетами, эпизодами, деталями.

Приведенная схема наглядно подтверждает уже высказанное предположение о том, что Трог (а вслед за ним и Юстин) приписал Чандрагупте многие из «деяний», которые индийская традиция связывала с Чанакьей. Это позволяет считать вполне оправданным название статьи — «Индийский брахман Чанакья в античной традиции», независимо от того, являлся ли этот брахман из Таксилы и сановник первого из Маурьев реальным историческим лицом или был плодом вымысла авторов популярных сказаний о Чандрагупте и Чанакье.

THE INDIAN BRAHMAN CANAKYA IN ANCIENT TRADITION

G. M. Bongardt-Levin

The close relations between the Graeco-Roman world and India widened the acquaintance of the ancient authors with different aspects of Indian culture and public life. Careful comparison of what these authors say about India with the works of Indian historians helps to discover how the ancient authors came by their information about India and test the reliability of their accounts. The work of Pompeius Trogus (as epitomised by Justin) included a fairly detailed account of the career of Chandragupta Maurya. Comparison of his story with the Indian and Ceylon traditions (especially with the commentaries on the «Mahāvamsa») demonstrates the general soundness of Trogus's testimony: Trogus was evidently familiar with the Indian tradition. However, though the source of this information was Cānakya-Chandragupta-kathā, Trogus attributed to the Mauryan king deeds which the local tradition connected with Cānakya. The article also contains translations from the Mahāvamsa-tīkā and the Extended Mahāvamsa published by Dr. G. P. Malalasekera.